

Интервью волгоградского эксперта-лингвиста Ларисы Шестак.

«Блокнот Волгограда» пообщался с представительницей редкой и очень интересной профессии – специалистом по судебной лингвистической экспертизе Ларисой Шестак.

Она рассказала, почему не стоит сравнивать своего соседа с ночным горшком и поделилась интересными случаями из практики – в том числе, безрезультатными попытками обругавших своих земляков волгоградцев уйти от ответственности.

Однако язык объективен, и обернуть ситуацию в свою пользу не получится. Как не оказаться в суде в качестве ответчика, Лариса Анатольевна рассказала в интервью «Блокноту Волгограда».

– Лариса Анатольевна, расскажите, пожалуйста, что такое лингвистическая экспертиза, что она исследует?

– В круг судебных экспертиз лингвистическая входит не так давно, около десяти лет. Это граничная область между лингвистикой и юриспруденцией. Она занимается анализом продуктов речевой деятельности – устной и письменной, помогая судебным органам устанавливать на основе анализа речи, нарушен ли закон.

Лингвистическая экспертиза касается разных уровней языка. Например, фонетика. Звонит «телефонный террорист», сообщаящий о заложенной бомбе. По тому, как он произносит заднеязычные, по тембру его голоса эксперт делает вывод, что это мужчина средних лет, русский язык для него не родной, он является представителем определенной группы языков, предположим, кавказских. Что существенно сужает круг поисков.

Или лексическая экспертиза: скрытый и закамуфлированный – это одно и то же? Нет. Скрытой, например, может быть проводка в стене, а закамуфлированным – записывающее устройство, вмонтированное в лампу. Т. е. подслушивающее устройство закамуфлировано под бытовой предмет.

Морфологическая экспертиза: корректива или корректив, мужского или женского рода? Поэтому внесение корректив или внесение коррективов?

Рассматриваются и синтаксические вопросы. Например, ко мне обращался владелец ангара, установленного на краю оврага. В договоре было обозначено, что он оплачивает аренду ангара и «асфальтированную площадку». Так вот, он просил разъяснить, за какую из трех асфальтированных площадок ему платить: на боксе, внутри него или вокруг него.

– А по административным и уголовным делам часто обращаются? Какие это дела?

– Часто. Это и подстрекательство к взятке, и предложение взятки, и мошенничество, в том числе – в особо крупном размере. Все чаще, к сожалению, экстремизм. Что касается административных дел, это в основном – оскорбление в публичной ситуации. Особенно часто обращаются депутаты как люди публичные, которым дорого имя и репутация.

– Какие дела запомнились больше всего?

– Может, это будет не самым удачным определением для ситуации экспертной деятельности, но забавных случаев запомнилось много. Ну, например, оскорбления. Люди у нас, к сожалению, не сдержанны на язык, и для них сниженная лексика – привычный способ общения. Бабушка из Городища прилюдно обозвала соседа «падлой» за то, что он перенес плетень, «оккупировав» часть принадлежащей ей территории. Он оказался «подкованным» в юридических делах и подал на нее в суд. Бабушку жаль, ведь платить штраф ей придется из своей и так весьма скромной пенсии. Поэтому я попросила майора, у которого дело находилось в производстве, посоветовать старушке ну хотя бы пальцем на соседа не показывать во время выяснения отношений и все-таки

выбирать выражения. Увы, через две недели принесли новую экспертизу: на этот раз бабушка, стоя спиной к соседу, возмущалась «поселившейся по соседству падалью». Заменяла, так сказать, слово. К счастью, третьего суда не случилось.

Смешная экспертиза была в Волжском. Пожилой мигрант каким-то образом опрокинул мальчика во дворе, тот ушибся, разбил коленку. Естественно, мамочки и бабушки начали причитать: «Понаехали, детей наших обижают!». Была подана жалоба, и когда мигранта пригласили в судебный кабинет, он, проходя мимо этих женщин, откомментировал ситуацию словами «нагнали тут толпу женщин легкого поведения». Слово на «Ш» очень задело дам, и они подали на него жалобу. Основное слово они перепутать не могли, но ситуацию описывали «он назвал нас отрядом ш...», «кучей ш...» и т.д. Истец, в свою очередь, пытался оправдаться следующим образом: «Я никого не хотел обидеть. Как писал еще Даль по фамилии Ожегов, ш... в русском языке – это свободолюбивый человек». Я, конечно, посмеялась: хотя Даль и Ожегов жили в разных веках, слово абсолютно недвусмысленное и всегда имело одно значение.

– А можно обмануть эксперта?

– Ну, обмануть – это больше по линии «Полиграфа». Что касается выводов эксперта, он делает их, вооруженный лингвистическими методиками и словарями. Результаты экспертизы хранятся в судах и архивах, эксперт не может жертвовать своей репутацией. Иногда в поисках чуть более мягкой формулировки клиенты заказывают несколько экспертиз, обращаясь к разным экспертам. Но специалисты об одном и том же тексте напишут одно и то же. Для прокурора же и судьи за языковыми синонимами кража или воровство все равно стоит правовое деяние. Конечно, бывают случаи, когда адвокаты пытаются «подсказать» вывод экспертизы. Например, картинка в Интернете с видом остроконечных гор и мужичка с секирой времен Ивана Грозного. И надпись: «Бери топор – встречай гостей с гор!». Адвокат пытался уверить, что горы на картинке – Швейцарские, а русский мужичок рад съезжающим к нам европейцам. Даже с избушкой на первое время готов подсобить. Поэтому топор – чтобы дом построить: мы, россияне, славимся гостеприимством. Пришлось выразить сомнение в том, что наши жители так хорошо знают вид Швейцарских гор. Остроконечные горы – явно Кавказ. Как писал о них Лермонтов: «Что на земле прекрасней пирамид природы, этих гордых снежных гор?». А топор – не только строительный инструмент, но и орудие убийства, и стоит в одном ряду с гильотиной и плахой. В итоге разочарованный адвокат удалился.

– Какую речь анализировать проще – насыщенную жаргонными словечками и диалектизмами или максимально приближенную к современному русскому литературному языку?

– К жаргонизмам и вульгаризмам у нас сейчас либерально-снисходительное отношение. Началось это в 90-х годах – ранее за чистоту речи боролись и школа, и СМИ. Конечно, вброс жаргона в русскую речь был и раньше. Так, после революции жаргонизмы проникли в речь после смены политических элит: пришедшие в Советы матросы, рабочие и крестьяне говорили так, как умели. Однако государством были осуществлены две очень серьезные программы: ликбез после революции и гражданской войны и Всеобуч в 30-е годы. Позднее, в 50-е годы, жаргон принесли освободившиеся из лагерей. Но он звучал лишь во дворах под гитару: «Сижу на нарах, как король на именинах». Однако в официальные сферы жизни это явление не проникло. В 90-х же годах подобные словечки стали употреблять даже первые лица страны: министр обороны Сергей Иванов повторял, что «нам до балды все решения НАТО», а председатель правительства Михаил Фрадков обещал: «Мы этим депутатам пенделя дадим за такие штучки»

К сожалению, ситуация до сих пор не изменилась. Сейчас мы видим красавицу Ларису Гузееву, которая в передаче «Давай поженимся» на какую-то фразу свахи Василисы о Екатерине из «Грозы» Островского заявляет: «Ну, ты и пример привела! Катерина! Прошмандовка!» А второй свахе, Розе, говорит: «Что ты меня чмыришь?! Ты видишь – я с женихом разговариваю!» Я не сомневаюсь, что выпускница ВГИКа владеет синонимическим рядом номинаций в русском языке,

однако почему-то говорит на уголовном жаргоне. Весьма своеобразная речевая мода. Так вот, обилие жаргонизмов и обценной лексики очень осложняет анализ текста: приходится разбираться: где это оскорбление, а где, например, выражение эмоций, междометие.

– Как понять, за какое оскорбление могут привлечь к ответственности? Только за матерные слова?

– Нет, не только. Оскорбительным считается сравнение с животными, поскольку они стоят ниже нас на лестнице эволюции. То есть «коза драная» в публичной ситуации – оскорбление. Кроме того, не допускаются сравнения с предметами – ночным горшком, например. Оскорбительными считаются сравнения с телесным низом, с физиологическими отправлениями.

– Могут ли волгоградцы стать экспертами? Или эта ниша уже занята?

– Ниша очень перспективная, экспертиз становится все больше и больше. В следующем году мы в ВГСПУ открываем магистратуру «Прикладная лингвистика», где будут изучаться юрислингвистика, лингвомаркетинг, т.е. рекламная деятельность, и лингвоменеджмент, т.е. русский язык в бизнесе, языковое обеспечение делового общения. Юрислингвистика как вторая специальность есть у нас и на факультете дополнительного образования.

Подробнее: <http://bloknot-volgograd.ru/news/slovo-na-sh-imelo-vsegda-tolko-odno-znachenie-volg>